

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие к новому изданию</i>	7
Брат Мао Цзедуна	17
Стрела в колчане Божьем	23
Маяк на Даго	37
Роберт и Роман. От Австрии до Амура	46
Монгольский мираж	59
“Стать императором Китая”	72
Очищение и кара. От Пруссии до Персии	81
Атаман	92
Особый Маньчжурский отряд	103
Королева Байкала. Чита и Даурия	114
Даурский ворон	124
Великая Монголия	135
Принцесса Елена Павловна	145
Смерть Фушенги. Новые планы	156
Каппелевцы	163
Букукун как Рубикон	173
Пропавшая дивизия	182
Семь голосов	194
Град обреченный	205
Рождение ужаса	217
Северный спаситель. На Керулуне	228

На вершинах священной горы.....	237
Слепой Будда	247
Тюрьма.....	259
Штурм. 1–2 февраля	268
Штурм. 3–4 февраля	277
“Не должно остаться ни мужчин, ни женщин”	286
Пир трупоедов	298
Коронация	312
На границе и в Гоби	325
Цаган-цэген. Орел и дракон.....	334
Свет с Востока.....	343
Религия изначальных истин	352
Кровь на лотосе.....	363
Режим.....	373
Власть и бессилие. Почва колеблется.....	387
Бакич и другие	402
Великий князь или “Князь Великий”?.....	414
Накануне.....	428
Северная война	442
Крушение мечты	456
Последний поход.....	467
Заговор	478
Мятеж.....	490
Одинокий пленник.....	503
Суд и казнь.....	517
Рассеянные и мертвые	532
Сокровище дракона.....	550
Вторая жизнь	558
На расстоянии	568
Эпилог	578
<i>Библиография.....</i>	583

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

Э то исправленный и расширенный вариант книги, впервые вышедшей в 1993 году, а писавшейся двумя-тремя годами раньше. Здесь много новых фактов, значительная часть которых почерпнута мною из публикаций С.Л.Кузьмина, но еще больше, может быть, новых наблюдений, толкований и аналогий. Шире, чем прежде, я использовал слухи, легенды, рассказы людей, чьи предки или родственники оказались втянуты в монгольскую эпопею Унгерна, и хотя их достоверность сомнительна, дух времени они выражают не менее ярко, чем документы. Тут я следовал за Геродотом, писавшим, что его долг — передавать все, о чем рассказывают, но верить всему он не обязан.

Я убрал кое-какие рассуждения и умозаключения, которые имелись в первых двух изданиях “Самодержца пустыни” и которые теперь кажутся мне ошибочными, наивными или просто лишними. Как и раньше, я старался быть объективным, но объективность ограничена временем и личностью автора. Глупо делать вид, будто за четверть века после выхода первого варианта этой книги мои убеждения и я сам остались

прежними. Все мы за эти десятилетия стали другими людьми. Я не утверждаю, что вместе с нами изменилось и прошлое, хотя это совсем не так глупо, как может показаться, но чем дальше оно отодвигается от нас, тем больше может сказать о настоящем — не потому, что похоже на него, а потому, что в нем яснее проступает вечное.

САМОДЕРЖЕЦ ПУСТЫНИ

Полки стояли как изваянные, молчаливые и такие
тяжелые, что земля медленно уходила под ними вниз.

Но не было знамен с полками...

Над равниной всходило второе солнце.
Оно шло невысоко. Ослепленные полки закрыли глаза,
узнав в этом солнце все свои знамена.

Всеволод Вишневский

1930 г.

Но Наполеона у нас не предвидится.
Да и где же наша Корсика?
Грузия, Армения? Монголия?

Максимилиан Волошин

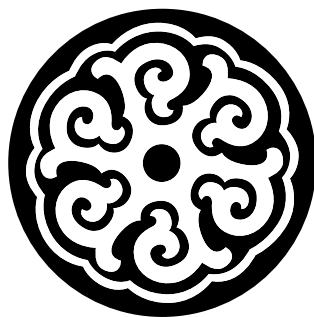
1918 г.

Смысла железные двери величиной в пядь
Открываются ключами примеров
величиной в локоть.

Гунтан-Банби-Донмо

XVII в.

БРАТ МАО ЦЗЕДУНА

Летом 1971 года, ровно через полвека после того, как остзейский барон, белый генерал, монгольский князь и муж китайской принцессы Роман Федорович Унгерн-Штернберг был взят в плен и расстрелян, я услышал о том, что он, оказывается, до сих пор жив. Мне рассказал об этом пастух Больжи из бурятского улуса Эрхирик неподалеку от Улан-Удэ. Там наша мотострелковая рота с приданным ей взводом “пятьдесятчетверок” проводила выездные тактические занятия. Мы отрабатывали приемы танкового десанта. Двумя годами раньше, во время боев на Даманском, китайцы из ручных гранатометов ловко поджигали двигавшиеся на них танки, и теперь в порядке эксперимента на нас обкатывали новую тактику, не отраженную в полевом уставе: мы должны были идти в атаку не вслед за танками, не под защитой их брони, а впереди, беззащитные, чтобы очищать им путь, автоматным огнем уничтожая китайских гранатометчиков. Я в ту пору носил лейтенантские погоны, так что о разумности самой идеи судить не мне. К счастью, ни нам, ни кому-то другому не пришлось на деле проверить ее эффективность. Китайскому театру военных

действий не суждено было открыться, но мы тогда этого еще не знали.

В улусе была небольшая откормочная ферма. Больжи состоял при ней пастухом и каждое утро выгонял телят к речке, вблизи которой мы занимались. Маленький, как и его монгольская лошадка, издали он напоминал ребенка верхом на пони, хотя ему было, думаю, никак не меньше пятидесяти. Из-под черной шляпы с узкими полями виднелся густой жесткий бобрник седины на затылке. Шляпу и брезентовый плащ Больжи не снимал даже днем, в самую жару.

Иногда, пока телята паслись у реки, он выходил к дороге посмотреть на наши маневры. Однажды во время обеда я принес ему котелок с супом, принятый им охотно, но с достоинством и без чрезмерной благодарности. В котелке над перловой жижей с ломтиками картофеля возвышалась баранья кость в красноватых разводах казенного жира. Первым делом Больжи объел с нее мясо и лишь потом взялся за ложку, объяснив мне, почему военный человек должен есть суп именно в такой последовательности: “Вдруг бой? Бах-бах! Все бросай, вперед! А ты самое главное не съел”. По тону чувствовалось, что это правило выведено из его личного опыта, а не взято в сокровищнице народной мудрости, откуда он щедро черпал другие свои советы.

В следующие дни, если в обеденный перерыв Больжи не появлялся у дороги, я отправлялся к нему сам. Обычно он сидел на берегу, но не лицом к реке, как сел бы любой европеец, а спиной. При этом в глазах его заметно было то выражение, с каким мы смотрим на текучую воду или языки огня в костре, словно степь с дрожащими над ней струями раскаленного воздуха казалась ему наполненной таким же таинственным вечным движением, одновременно волнующим и убаюкивающим. Под рукой у него всегда были две вещи — большой термос с чаем и выпущенный местным издательством роман Василия Яна “Чингисхан” в переводе на бурятский язык.

Я не помню, о чем мы говорили, когда Больжи вдруг сказал, что хочет подарить мне оберегающий от пуль амулет-гау,

который в настоящем бою нужно будет положить в нагрудный карман гимнастерки или повесить на шею. Впрочем, я так его и не получил. Обещание не стоило принимать всерьез, оно было не более чем способом выразить мне дружеские чувства, что не накладывало на говорившего никаких обязательств. Однако назвать это заведомой ложью я бы не рискнул. Для Больжи намерение важно было само по себе, задуманное доброе дело не обращалось от неисполнения в свою противоположность и не ложилось грехом на душу. Просто в тот момент ему захотелось сказать мне что-нибудь приятное, и он не придумал ничего лучшего, чем посулить этот амулет. Тогда я не знал, что на войне буряты и монголы носили на груди особым образом свернутую охранную мантру Белозонтичной Тары, как русские — переписанный от руки 90-й псалом.

Подчеркивая не столько ценность подарка, сколько значение минуты, Больжи сообщил мне, что такой гау носил на себе барон Унгерн, поэтому его не могли убить.

Я удивился: то есть как не могли? Его же расстреляли.

В ответ сказано было как о чем-то общеизвестном: нет, он жив, живет в Америке. Затем с несколько меньшей степенью уверенности Больжи счел нужным добавить, что Унгерн — родной брат Мао Цзедуна, “вот почему Америка решила дружить с Китаем”.

Имелись в виду планы Вашингтона, до сих пор считавшего Тайвань единственным китайским государством, признать КНР и установить с ней дипломатические отношения. Это можно было истолковать как капитуляцию Белого дома перед реалиями эпохи, но с нашей стороны законного злорадства не наблюдалось. Газеты скупы и без каких-либо комментариев, что тогда бывало нечасто, писали о предполагаемых поставках в Китай американской военной техники. Популярный анекдот о том, как в китайском Генеральном штабе обсуждают план наступления на северного соседа (“Сначала пустим миллион, потом еще миллион, потом танки”. — “Как? Все сразу?” — “Нет, сперва один, потом другой”), грозил утратить свою актуальность. Впрочем, и без того все опасались фана-

тизма китайских солдат. Говорили, что ни на Даманском, ни под Семипалатинском они не сдавались в плен. Об этом рассказывали со смесью уважения и собственного превосходства — как о чем-то таком, чем мы тоже могли бы обладать и обладали когда-то, но отбросили во имя новых, высших ценностей. Очень похоже Больжи рассуждал о шамане из соседнего улуса. За ним безусловно признавались определенные способности, недоступные ламам из Иволгинского дацана, в то же время сам факт их существования не возвышал этого человека, напротив — сдвигал его далеко вниз по социальной лестнице.

Говорили, что китайцы стреляют из АКМ с точностью снайперской винтовки, что они необычайно выносливы: на дневном рационе, состоящем из горсточки риса, пехотинцы преодолевают в сутки чуть ли не по сотне километров. По слухам, вся территория к северу от Пекина изрезана бесчисленными линиями траншей, причем подземные бункеры так велики, что вмещают целые батальоны, и так тщательно замаскированы, что мы будем оставлять их у себя за спиной и постоянно драться в окружении. Успокаивали только рассказы о нашем секретном оружии для борьбы с миллионными фанатичными толпами, о превращенных в неприступные крепости пограничных сопках, где под слоем дерна и зарослями багульника скрыты в бетонных отсеках смертоносные установки с ласковыми, как у тайфунов, именами (“Василёк”). Впрочем, толком никто ничего не знал. На последних полосах газет Мао Цзедун фигурировал как персонаж одного бесконечного анекдота, между тем в Забайкалье перебрасывались мотострелковые и танковые дивизии из упраздненного Одесского военного округа.

Из китайских торговцев, содержателей номеров, искателей женьшеня и огородников, которые наводнили Сибирь в начале XX века, из сотен тысяч голодных землекопов послевоенных лет не осталось ни души. Они исчезли как-то вдруг, все разом; уехали, побросав своих русских жен, повинаясь недоступному нашим ушам, как ультразвук, далекому властно-

му зову. Казалось, шпионить было некому, но мы почему-то были убеждены, что в Пекине знают о нас все. Когда я прибыл в часть по направлению из штаба округа, дежурный офицер сказал мне: “Ну, брат, повезло тебе. У нас такой полк, такой полк! Сам Мао Цзедун всех наших офицеров знает поименно”. Самое смешное, что я этому поверил.

Поверить, что Унгерн и Мао Цзедун — родные братья, при всей моей тогдашней наивности я не мог, но волновала сама возможность связать их друг с другом, а следовательно, и со мной, пребывающим ныне в том же географическом пространстве. Лишь позднее я понял, что Больжи вспомнил Унгерна не случайно. В то время должны были ожить старые легенды о нем и появиться новые. В монгольских и забайкальских степях никогда не забывали его имени, и что бы ни говорилось тогда и потом о причинах нашего конфликта с Китаем, в иррациональной атмосфере этого противостояния безумный барон просто не мог не воскреснуть.

К тому же для него это было не впервые. В Монголии он стал героем не казенного, а настоящего мифа, способным умирать и возрождаться. Да и к северу от эфемерной государственной границы между СССР и МНР невероятные истории о его чудесном спасении рассказывали задолго до моей встречи с Больжи. Наступал подходящий момент, и он вставал из своей затерянной под фундаментами городских новостроек, безвестной могилы в Новосибирске.

Унгерн — фигура локальная, если судить по арене и результатам его деятельности, порождение конкретного времени и места. Однако если оценивать его по идеям, имевшим мало общего с идеологией Белого движения; если учитывать, что его планы простирались до переустройства всего существующего миропорядка, а средства соответствовали целям, это явление совсем иного масштаба.

Одним из первых в XX столетии он прошел тот древний путь, на котором странствующий рыцарь становится бродячим убийцей, мечтатель — палачом, мистик — доктринером.

На этом пути человек, стремящийся вернуть на землю золотой век, возвращает даже не медный, а каменный.

Впрочем, ни в эту, ни в любую другую схему Унгерн целиком не укладывается. В нем можно увидеть фанатичного борца с большевизмом и евразийца в седле, бунтаря эпохи модерна, протофашиста, провозвестника грядущих глобальных столкновений Востока и Запада и создателя одной из кровавых утопий XX века, кондотьера-философа и самоучку, опьяненного грубыми вытяжками великих идей, или одного из тех мелких тиранов, что вырастают на развалинах великих империй, но под каким бы углом ни смотреть, остается нечто ускользающее от самого пристального взгляда. Фигура Унгерна окружена мифами и кажется загадочной, но его тайна скрыта не в нем, а в нас самих, мечущихся между желанием восхищаться героем и чувством вины перед его жертвами; между надеждой на то, что добро приходит в мир путями зла, и нашим опытом, говорящим о тщетности этой надежды; между утраченной верой в человека и преклонением перед величием его дел; наконец, между неприятием нового мирового порядка и страхом перед близостью архаических стихий, в любой момент готовых прорвать тонкий слой современной цивилизации. Есть известный соблазн в балансе на грани восторга, ужаса и отвращения; отсюда, может быть, наш острый и болезненный интерес к этому человеку.